

чится революцией» (с. 350). Подобная настроенность в отношении Думы вполне могла сочетаться у Протопопова с публичными заявлениями о готовности сотрудничать с ней (например, на частном совещании у М.В. Родзянко 19 октября 1916 г.) (с. 165, 351).

Но, вероятно, резче всего Покровский и Куликов расходятся в оценке Николая II. Последний министр иностранных дел царского правительства не был оригинален, полагая, что император, несмотря на «способности», «трудолюбие» и «живой ум», «страдал слабостью характера», даже «бесхарактерностью, благодаря которой подпал влияниям, от которых никак не мог освободиться», — он «был человек домашних добродетелей», «но уж вовсе не государственный ум» (с. 189). Опровергая мемуариста, комментатор ссылается на высказывания современников, отмечавших сложность и даже загадочность личности Николая II. Но ведь, строго говоря, одно не исключает другого. Куликов исходит из того, что Николай II придерживался «консервативного либерализма» и «имел собственный реформаторский проект, основанный на завещании Н.Х. Бунге и последовательно воплощавшийся вплоть до Февральской революции» в режиме «фабианской стратегии» — эволюционно и постепенно, без скачков². Однако представления Николая II о том, как должно царствовать самодержцу, сформировались пре-

имущественно под влиянием авторитета его отца, чей опыт воспринимался как эталон, которому следует безоговорочно подражать. Исключительно этим он и руководствовался на протяжении всего своего правления. Поэтому все те либеральные преобразования, на которые шёл последний император, имели сугубо вынужденный, навязанный обстоятельствами характер, что, впрочем, не мешало ему в отдельных случаях гибко лавировать в новой для него политической реальности, но опять-таки с единственной целью — защитить и сохранить в первозданном виде вверенное ему отцом самодержавие.

И всё же, как бы то ни было, нередко спорные комментарии С.В. Куликова никоим образом не умаляют значения проделанной им и Д.Н. Шиловым гигантской археографической и источниковедческой работы, в результате которой ценный мемуарный источник стал доступным широкому кругу исследователей.

Примечания

¹ См.: *Андреев Д.А.* Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // *Российская история.* 2011. № 4. С. 123.

² *Куликов С.В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // *Российская история.* 2009. № 4. С. 56.

* * *

Андрей Мамонов

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Сравнительно краткий очерк Н.Н. Покровского «Несколько слов о русской политике в Литве», открывающий публикацию его воспоминаний в издании, подготовленном Д.Н. Шиловым и С.В. Куликовым, на первый взгляд производит странное впечатление, особенно на фоне его увлекательных

рассказов о деятельности высших государственных учреждений, их канцелярий, руководителей, последнего императора. Как всё это связано с политикой самодержавия в Северо-Западном крае в 1860–1880-е гг., к которой сам мемуарист к тому же не имел прямого отношения? Может показаться

даже, что этот текст, написанный, вероятно, весной 1919 г. (с. 420), отражает прежде всего подготовку его автора к последовавшей вскоре эмиграции в Литву. Но это лишь отчасти так. Во всяком случае, данная «глава», занимающая всего 14 страниц (с. 29–42), многое говорит о Покровском.

Размышляя «о русской политике в Литве», Покровский обращался к впечатлениям детства и юности, когда он (не имевший собственного родового гнезда) «неоднократно бывал по летам в имении сестры моей бабушки». Дед Николая Николаевича, участвовавший в подавлении мятежа 1830–1831 гг., женился затем «на дочери местного помещика, отставного полковника польских войск» (с. 29). Однако о собственных наблюдениях и переживаниях мемуарист почти ничего не сообщает, предпочитая живо пересказывать услышанное от польских родственников. Родившись в 1865 г., он драматично описывает, как в 1863 г. в поместье его двоюродной бабушки «приходили то повстанцы, то казаки». При этом казацьи допросы могли «погубить или пустить по миру», а потому вселяли ужас, тогда как к повстанцам, которые «грозили виселицею», отношение было совершенно иным: «Нельзя было отказать в пище и одежде этим несчастным» (с. 29–30).

По сравнению с остальными воспоминаниями Покровского, эта часть бедна деталями, бытовыми зарисовками, личными характеристиками (исключение составляет, пожалуй, лишь описание усадьбы гр. Тотлебенов в Кейданах и визитов Столыпинных к соседям). По сути, это даже не совсем мемуары, а скорее острый, крайне эмоциональный памфлет в мемуарной форме. Вот только посвящён он предмету, к 1919 г. давно уже утратившему злободневность. Покровский резко обличает попытки насаждения русского землевладения и запрещение полякам приобретать земельную собственность в Западном крае, сохранявшееся до 1905 г. (с. 30–32), жалуется на притеснение «в самом исповедании католической религии» (сводившееся, впрочем, по его же свидетельству, к ограничению проповедей на польском языке, богослужений и процессий вне костёлов и разъездов ксёндзов без разре-

шения полиции — т.е. именно того, что активно использовалось для разжигания мятежа в начале 1860-х гг.), а также на «изгнание» польской речи «из всех общественных и частных учреждений» (с. 33). Характерно, что в политике 1860-х гг. Покровского раздражало не столько даже обрусение или распоячивание края, сколько отчетливо проступавшие в ней имперские, наднациональные черты. «Ослепление борьбою с польским землевладением, — сетовал он, — доходило до того, что все преимущества, предоставленные русским и православным, были в равной мере распространены на немцев и лютеран» (с. 31). Видимо, после войны 1914–1918 гг. это казалось проявлением недальновидности, граничащей с государственной изменой. Реалии же 1860–1870-х гг. к тому времени уже заметно позабылись.

Характерно, что последний министр иностранных дел Николая II, не раз демонстрировавший в своих записках способность к критическому анализу прошлого, с полным, почти наивным доверием и без каких-либо сомнений воспроизводил настроения и представления, впитанные в конце XIX в. среди польских родственников. Более того, они парадоксальным образом вытесняют в мемуарах следы семейных преданий собственно Покровских. Между тем прадед Николая Николаевича, сын православного священника из Новой Ладogi, служил при М.М. Сперанском и гр. В.П. Кочубее, дед и отец успешно делали военную и гражданскую карьеру, по матери его прадедом был государственный секретарь В.Р. Марченко, дедом — жандармский генерал-майор А.Н. Кушинников. Всё это можно узнать из статьи Д.Н. Шилова «От священника до министра: краткие заметки из семейной истории Покровских» (с. 425–432), но отнюдь не из самих воспоминаний, читая которые, можно подумать, будто они написаны польским помещиком, а не потомственным русским чиновником из поповичей.

Русское чиновничество Западного края Покровский описывает самыми мрачными красками. За редкими исключениями (к числу которых отнесён и П.А. Столыпин), «общая масса держала себя враждебно, в роли завоевателей». И если «наиболее

культурными были, как и везде, представители судебного ведомства, которые пользовались и наибольшим уважением», «чины Министерства финансов также держали себя довольно нейтрально», то «представители учреждений, прикосновенных к крестьянскому делу — мировые посредники, земские начальники, чины ведомства землеустройства — выступали воинствующими борцами с местными польскими помещиками» и чуть ли не разжигали «классовую вражду», защищая крестьян от «притязаний» и «влияния» шляхты (с. 36–37). Полиция, «при совершенно ничтожном содержании и дороговизне», повсеместно не только брала, но и вымогала взятки, а «казённые врачи» наживались на предоставлении «льгот по воинской повинности» (с. 37–38).

Покровский не заботился о том, чтобы как-то сбалансировать созданный им страстно односторонний и крайне упрощённый и обобщённый образ чиновников Западного края¹, хотя и предвидел упреки: «Я боюсь, что взгляды, высказанные мною по поводу русской политики в Литве, дадут повод назвать меня полякующим. Будут, конечно, говорить, что по своим родственным отношениям с местными поляками я не мог иначе смотреть на вещи, как через призму польских симпатий и антипатий. Не стану оправдываться и возражать, что мною руководили исключительно мотивы справедливости и политической целесообразности в русских, а не в польских интересах» (с. 42). Мемуарист был уверен, что ход истории вполне оправдал его позицию. Но любопытно, что он использовал выражение «полякующий», в начале XX в. звучавшее уже архаично и широко употреблявшееся именно в 1860–1880-е гг.

Убеждённость Покровского в том, что «наша политика в Западном крае после мятежа 1863 г. была в своей основе не только несправедлива, но и нецелесообразна, а потому и результаты её оказались отрицательными», свидетельствовала о том, что для либерального министра Николая II оказались глубоко чужды не только муравьёвские, но и милютинские традиции. Между тем пережитое в юности сильное воздействие польской помещичьей среды, враждебно воспринимавшей и русскую государственность, и её представителей, не проходило бесследно для начинающего чиновника конца XIX — начала XX в. Оно разрывало и преемственность с деятелями Великих реформ, и характерную для середины XIX в. связь между либеральными преобразованиями и укреплением самодержавной империи. Отсутствие же этой связи придавало правительственному либерализму отчётливо антигосударственный, «освободительный», оттенок, а добровольное ослабление, если не капитуляция, власти перед «общественностью» становились делом времени. Не случайно действия «прогрессивных» сановников накануне и во время Первой мировой войны оказались для монархии столь разрушительными. И как тут не вспомнить о польских корнях и привязанностях наиболее видного из них — А.В. Кривошеина.

Примечание

¹ О данном явлении подробнее см.: *Комзолова А.А.* «Положение хуже севастопольского»: русский интеллигентный чиновник в Северо-Западном крае в 1860-е гг. // *Россия и Балтия*. Вып. 3. М., 2004. С. 117–141. См. также: *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.